

Посвящается Кортни

«Даже теперь, владея всем, о чем мечтала, она не чувствовала счастья.

Порою думала: должно быть, мир полон вещей еще более желанных; она просто пока не знает о них».

*«The Custom of the Country»
Эдит Уортон*

Глава 1

Пирсон, Иллинойс

1979

— Папа, пора ехать!
Четырнадцатилетняя Бекки Фаруэлл нажала на клаксон. Раз, другой. Завела двигатель, повернула к себе зеркало заднего вида и придирчиво рассмотрела макияж: темно-зеленые тени над верхними ресницами, светлые возле бровей. Зеленые — потому что все журналы рекомендовали этот цвет рыжеватым блондинкам — таким, как она. Попробовать бы что-нибудь другое; она видела в продаже набор фиолетовых теней: три тона, от бледно-лилового до темного, как баклажан. Бекки быстро подсчитала в уме, сколько ей должны четыре девочки, для которых она делала домашние задания по геометрии и алгебре; она разбиралась и в тригонометрии, хотя училась только в девятом. Но по тригонометрии она могла гарантировать лишь хорошую оценку, не отличную. Впрочем, никто из девочек не жаловался. Иногда вместо денег предлагали обувь — например почти новые кеды, которые на ней сейчас (на босу ногу — носки с кедами никто не носит). Бекки вернула зеркало в прежнее положение, раздался легкий щелчок. Увы, семье отчаянно нужны деньги; где уж тут мечтать о макияже.

«Куда ни кинь, всюду клин», — часто повторял отец; Бекки не совсем понимала смысл этих слов, но, черт возьми, весной им пришлось очень скверно.

Посидев минуту в кабине, она спрыгнула с высокой подножки и вошла в дом. Теплый весенний день, а окна еще не открыты; в комнатах первого этажа их сельского домика темно и душно. Бекки прошла на кухню, распахнула окно и подперла раму банкой с фасолью. В раковине молочно-белого цвета стояли грязные миски с остатками хлопьев. Все вокруг покрывал тонкий липкий слой жира и пыли, однако прибраться было некогда.

На ковре в углу гостиной выделялся темный квадрат — неделю назад тут стояла тумба с телевизором; отец заложил телевизор, а также все мамины украшения (то есть *думал*, что все: кое-что Бекки припрятала). Он не сказал, сколько ему дали в ломбарде, — считал это временными трудностями, но она видела квитанцию. Меньше сотни за все.

— Папа? — позвала Бекки снизу. Легко взбежала по лестнице, позвякивая браслетами на руке. — Нам надо... Ты что, даже душ еще не принял?

Большой и грузный, похожий на медведя, отец лежал в постели на боку, подтянув колени к подбородку. Лицо в поту, ко лбу прилипли пряди седых волос. Желудочный грипп. Как не вовремя: они ждали покупателя из Рокфорда, отец договорился встретиться с ним в полдень.

— Ты же сказал завести машину! Папа, мы уже...

Он застонал и закрыл глаза рукой.

— Так. Поедешь первой. Покажешь ему сеялку. Пневматическую сеялку «Лайт Трак», убедись, что это именно она. И распределители, даже если он будет говорить, что ему не...

— Я не могу... — Бекки испуганными глазами обвела комнату. — Как же я...

— ...ни «Масси», ни «Джон Дир» с ней не сравнятся. Можешь показать два «Викона», он интересовался. Но ты скажи, на них уже есть покупатель. Нам нужно продать сеялки. Я справлюсь за... час. Максимум. О боже! — Он вскочил с кровати и бросился в ванную, полы старого махрового халата распахнулись. Бекки тут же ретировалась.

Выехав на шоссе, Бекки включила радио. Она точно знала, когда на каком канале идет музыкальная программа. Часами могла слушать кантри; ради всего святого — почему бы им не поставить Кристал Гейл или Кенни Роджерса! Бекки крепко держала руль обеими руками и не сводила глаз с дороги, выдерживая скорость не более 45 миль в час, хотя их старый пикап вполне мог ехать быстрее. Никто на трассе не обращал внимания на школьницу за рулем, и она знала, что делать, если ее остановят: нужно сразу заплакать, сказать, что ее парень напился в стельку, а она испугалась и поехала домой, клянусь-богом-я-никогда-больше-так-не-сделаю, офицер, обещаю.

— Штрафа не избежать, но хотя бы не арестуют, — сказал отец.

От фермы до выставочного зала — два съезда с шоссе, один круговой перекресток и четыре светофора, и на каждом из них она покрывалась потом от страха. Хуже всего оказался поворот налево с дорожки между павильонами. Вот там Бекки немного растерялась и секунд тридцать простояла с включенным поворотником. Однако все же взяла себя в руки и с полужакрытыми глазами проехала вниз по узкой, усыпанной гравием дорожке. Слава тебе господи, удалось.

Перед их павильоном стоял чужой пикап. Черт, уже здесь... Бекки выскочила из машины и опустила задний борт — там лежали ящики, ими нужно подпереть двери салона; зараз Бекки могла унести всего два, так что ей пришлось вернуться за двумя другими.

У Трэскеров в Рокфорде был собственный магазин сельскохозяйственного оборудования; сюда они приезжали, чтобы взять товар по самой низкой цене, а затем продать его с наценкой — хотя прибыль была невелика.

«Стервятники, — добродушно говорил отец. — Стараются выжать все что можно».

Так поступали все. Несколько лет назад он сам скупил остатки товара у Минтера, когда тот еще арендовал место в соседнем павильоне.

«Цена вырастет, — говорил он Бекки, — летом».

До этого говорил — весной. А потом скажет — осенью.

Из машины не торопясь вышли двое мужчин. Похоже, отец и сын.

— Добрый день, — пропела им Бекки.

Она никогда раньше не открывала салон самостоятельно, хотя много раз помогала отцу. Распахнула двери, подперла их, подбежала к щитку и включила освещение в кабинете и той половине, где по диагонали стояли в несколько рядов сеялки, косилки и другая техника.

— Я сделаю кофе! — крикнула она и прошла в неосвещенную часть салона. — Или могу предложить газировку. Папа будет с минуты на минуту.

А сын симпатичный... Бекки сняла хлопковый пуловер и проверила, не остались ли на майке потные пятна. Конечно, лучше было бы посидеть в кабинете, в освещенной застекленной комнатке, где хранятся счета и всюду разложены каталоги — на столе, на стульях, на металлических стеллажах. Но вместо этого она рассматривала гостей; любовалась кудряшками, торчащими из-под кепки сына, чистой кожей его лица и как он засунул большие пальцы в задние карманы. Взъерошила челку, задумалась, что бы сказать ему такого умного... и чуть не подпрыгнула, когда рядом с ней вдруг возник пожилой мужчина.

— Вот ты где, — тихо произнес он. Короткая крепкая шея, лысая голова, совершенно круглая.

От него пахло мятным жевательным табаком.

— Папа просил, э-э... показать вам распределители. То есть сеялки. Они там...

— Да, покажи. — Мужчина схватил ее за локоть и притянул к себе; Бекки недоуменно хмыкнула. — Тс-с-с, — прошипел он, глянул по сторонам — они стояли в темном проходе у стены — и тут же быстро, грубо ощупал ей грудь и задницу. — Не глупи, малышка.

Бекки побоялась вскрикнуть — сын может увидеть их или услышать (если она «сгруппит»). Через минуту мужчина отстранился, дружелюбно хлопнул ее по спине, шагнул за угол и крикнул сыну:

— Это единственный культиватор или у них есть что-нибудь получше?

Позже, когда приехал отец и отвел покупателей в кабинет, Бекки принялась наблюдать за ними через стекло. Сын уселся на стул, не дожидаясь, пока сядет хозяин. Папа вел себя как-то чересчур жизнерадостно, размахивал руками, а старший Трэскер скрестил руки на груди и равнодушно смотрел на него. Бекки отвернулась.

Она долго сидела на штабеле деревянных поддонов, сдирала корочку с ранки на щиколотке. Под пыльными стропилами медленно вращался старый скрипучий вентилятор.

— Бек? Эй, Бек? — позвал отец, высунувшись из двери офиса. Он не видел ее. — Принеси нам две газировки!

Бекки медленно пошла в глубь салона и вернулась с двумя холодными банками «Доктор Пеппер». В темноте открыла одну из них. А потом покашляла, собирая во рту мокроту из носа и горла, и сплюнула скользкий комок в открытую банку.

С ослепительной улыбкой вошла в кабинет. Как же она все-таки любит отца; слава богу, он много чего не знает.

На следующее утро Бекки проснулась рано. Долго глядела в потолок. В голове вертелась мысль: «Мы на грани краха». Папа не отдает себе отчета, насколько плохи дела на самом деле, и не стоит давить на него, он просто не хочет ее волновать. Может, все шло бы иначе, если бы не умерла мама — рак груди дал метастазы по всему телу. Бекки тогда только-только исполнилось шесть. Может быть, мама сразу оценила бы ситуацию и прямо сказала: «Хэнк, нам нужно сделать то-то и то-то». Отцу было бы с кем поделиться и посоветоваться.

Хотя, слава богу, он не женился ни на одной из своих подружек, кого иногда приглашал на ужин в «Черную сову» и затем провожал домой, задерживаясь в гостях на несколько часов. Не хватало еще, чтобы вторая жена устраивала истерики, когда им отключали электричество или звонили из банка с напоминанием о задолженности. Когда становилось явным то, чего они старались не замечать: бизнес отца загибается, все катится в тартарары.

Бекки сбросила одеяло. Ночью ей стало плохо; она изо всех сил уговаривала себя: «Все в порядке», но горячая тошнотворная боль внизу живота нарастала. Бекки натянула толстовку на ночную рубашку и вышла за дверь, в предрасветный холод, глубоко вдыхая свежий воздух.

Угасающая луна, как кусочек лимона, низко висела над кустами конского каштана, отделявшими их участок от соседского; раньше там жили Хинманы.

Холодно, зато по крайней мере меньше тошнит. Бекки нашла на заваленном обувью крыльце пару старых резиновых сапог, сунула в них ноги и стала ходить кругами по довольно грязному двору. По трассе шли машины. Одинокaя ворона каркала то прямо над головой, то снова откуда-то издалека.

Бекки подумала: если они потеряют дом, то, наверное, будут снимать квартиру в городе. Может быть, в Роуз-Сьютс, недалеко от шоссе; интересно: сколько стоит долгосрочная аренда? В конце концов, отец может устроиться продавцом-консультантом в чей-нибудь магазин. А ей придется бросить школу и работать официанткой. Она с отвращением представила себе, как отец станет успокаивать ее: «Это ненадолго. Осенью дела пойдут лучше». И будет проходить осень за осенью, год за годом... она так и состарится в какой-нибудь закуской; у нее будут тусклые глаза, вечно недовольное лицо и варикозное расширение вен.

Бекки замерзла, однако возвращаться в дом не хотелось, и она зашла в амбар, сразу наткнувшись на несколько коробок — запчастей для сеялок; забыли убрать после разгрузки. Открыла раздвижную дверь, пнула коробки, уселась на них. Только папа знал, где что лежит, у него была своя система. Бекки схватилась за живот и скрю-

чилась, переживая приступ тошноты. Наверняка она тоже подхватила проклятый грипп.

Этот лысый боров! Как он посмел лапать ее? Прямо в папином салоне! Сжечь бы к чертям весь торговый салон, вместе с тракторами, комбайнами, кабинетом и всем остальным. Запереть там этого жирного козла — и сжечь.

И тут ее озарило. А что, неплохая идея... и за ней последовала цепочка других идей, благодаря которым полностью изменилась их жизнь. Ее жизнь. И всего за год.

Идея состояла в том... *Пожалуйста, подождите!* — умоляла она неизвестно кого. — *Еще минутку без тошноты, мне нужно подумать!*

Встала и обошла амбар по периметру, осмотрела его — куча свободного места, крепкие балки. Вдохнула теплый знакомый запах дерева.

Зачем нам салон?

Бекки все же вырвало; на резиновых сапогах остались брызги. И продолжало рвать, когда она уже вернулась в дом — раз десять за утро, не меньше. Между приступами тошноты она не просто лежала в постели. Взяла блокнот и ручку и начала изучать все финансовые документы, которые смогла найти дома. Вечером отец, сбитый с толку ее телефонными звонками, принес домой еще несколько папок. К тому времени Бекки столько раз уже все пересчитала, что дрожала от волнения, объясняя свой план отцу.

«Откажемся от торгового зала, сэкономим четырнадцать тысяч годовой арендной платы. Освободим амбар — он и будет нашим салоном.